

2. Владикавказ. 1920—1921 годы

«Довольно пели вам луну и чайку!
Я вам спою чрезвычайку!
Это было эффектно!»
М. Булгаков. Записки на манжетах.

В ноябре 1919 года, отступая вместе с Белой Армией на юг, Михаил Булгаков в грозненской газете «Грозный» печатает «Грядущие перспективы» — статью? эссе? пророчество?..

Одиннадцать лет назад, когда эта статья была найдена, могло показаться, что писатель, гениально угадав саму типологию российской истории, не угадал победителей гражданской войны. Сегодня, возвращаясь к тексту, созданному 28-летним Булгаковым, призадумываешься: быть может, он напророчествовал правильно всё?

«Теперь, когда наша несчастная родина находится на самом дне ямы позора и бедствия, в которую ее загнала «великая социальная революция», у многих из нас все чаще и чаще начинает являться одна и та же мысль.

Эта мысль настойчивая. Она — темная, мрачная, встает в сознании и властно требует ответа.

Она проста: а что будет с нами дальше? (...) На Западе кончилась великая война великих народов. Теперь они зализывают свои раны. Конечно, они поправятся, очень скоро поправятся! И всем, у кого наконец прояснился ум, всем, кто не верит жалкому бреду, что наша злостная болезнь перекинется на Запад и поразит его, станет ясен тот мощный подъем титанической работы мира, который вознесет западные страны на невиданную еще высоту мирного могущества.

А мы? Мы опоздаем...

Мы так сильно опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же наконец мы догоним их и догоним ли вообще? (...)

И вот, пока там, на Западе, будут стучать машины созидания, у нас, от края до края страны, будут стучать пулеметы.

Безумство двух последних лет толкнуло нас на страшный путь, и нам нет остановки, нет передышки. Мы начали пить чашу наказания и выпьем ее до конца. (...)

Нужно будет платить за прошлое неимоверным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном и в буквальном смысле слова. Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских, за самостийных изменников, за

развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станком для печатания денег... за все!

И мы выплатим! (...)

И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:

— Платите, платите честно, и вечно помните социальную революцию!»

Впереди у Булгакова был Владикавказ, где впервые он ощутил себя не только репортером, но и драматургом. Именно там «братья-писатели» попытались устроить ему первые похороны, распознав безошибочно его талант и его чуждость...

1920 г. Троцкий: «Устрашение есть могущественное средство поли-

еще думают, что советская власть — временная, что она уйдет — они все еще шипят на всех углах и перекрестках, они забывают о том, что советская власть — это неизбежность, это история, и что ее не предотвратить никакими усилиями. Но они должны знать, что никакая сила не страшна теперь Республике трудящихся в борьбе с которой был весь капиталистический «цивилизованный» мир, ставивший свои клейма и печати своих фабрик и заводов на всех пушках, на всех танках добармии. По сравнению с этим врагом вся наша отечественная мелочь вроде Деникина и Колчака — только жалкие пешки, ничтожные людишки, которые имели успех лишь потому, что за их спиной стояли Англия и Франция... (...) И если мы отменили смертную казнь

Валентин Катаев, Юрий Олеся, Михаил Булгаков. 1920-е.

тики... Война, как и революция, основана на устрашении: она убивает единицы, устрашая тысячи...

1920 г. Лацис: «Чрезвычайная комиссия врага не судит, а разит... Она или уничтожает без суда... или изолирует от общества, заключая в концентрационный лагерь...»

1920 г. Киров: «С блестящей речью выступил тов. Киров. По его словам, он был сильно удивлен теми настроениями, которые еще существуют у местных обывателей. Они ничему не научились. Они все

в тылу, то только потому, что в России нет больше контр-революции, она разбита навсегда.

И когда настанет утро социалистической культуры — тогда мы скажем, что мы сделали все, что могли, и сделать больше было не в наших силах» (газета «Коммунист», Владикавказ, 17 апреля 1920 г.).

Остался во Владикавказе после ухода белых военврач М. Булгаков вследствие несчастного стечения обстоятельств: его, больного тифом, нельзя было увезти; но кто знает, не было ли это судьбой?

Сам он этого еще не понял и через год с небольшим, декан театрального факультета, автор четырех поставленных в местном театре пьес, вдруг явно бежит вслед за белой армией и пытается уйти в эмиграцию. Настоящие причины и повод не ясны сегодня, но, быть может, наступившая стабилизация позволила наконец местным властям начать разбираться с местной интеллигенцией. Раньше не доходили руки, в мае 1921 года уже могли и «дойти»...

Прошлое Булгакова как врача и журналиста, печатавшегося при белых, было известно, а его успешные выступления на диспуте о Пушкине (идет гражданская война!) и письма в местную газету не могли не найти отражения и в потаенной «литературе», а не только на страницах газеты «Коммунист» и журнала «Творчество».

«Анонимщики. Чрезвычайная комиссия просит нас довести до сведения всех безыменных (так в тексте. — Г.Ф.) авторов анонимных писем, поступающих ежедневно по 30—40 штук, что ни одно из них комиссией не будет принято во внимание; со всеми заявлениями о причастности к контрреволюции комиссия просит приходить лично» («Коммунист», 21 апреля 1920 г.).

«Очередные утки. Услышав от нескольких обывателей о том, что чрезвычайной комиссией уже расстреляно пятьдесят пять человек, мы сейчас же послали нашего сотрудника к председателю комиссии с просьбой сообщить нам подробности этих расстрелов, но товарищ председатель чрезвычайной комиссии о ф и ц и а л ь н о сообщил нам, что не только пятидесяти пяти — но и одного расстреля еще не было» («Коммунист», 27 апреля 1920 г.).

По не очень точным сведениям, в то время во Владикавказе проживало около 80 тысяч человек. Это — «туземцы», как называли тогда жителей окраин России, и приезжие, занесенные гражданской войной.

Не надо думать, что «писательство» было присуще людям, уже воспитанным советской властью. Л. Троцкий в своей книге «Моя жизнь» в главе о восстании 1917 года пишет:

«Осведомители являлись со всех сторон. Приходили рабочие, солда-

ты, офицеры, дворники, социалистические юнкера, прислуга, жены мелких чиновников. Многие приносили чистейший вздор, некоторые давали серьезные и ценные указания».

Заканчивая тему Владикавказа, приведу акростих главного оппонента Булгакова — Георгия Астахова, напечатанный в местном журнале:

В.Ч.К.

Тов. Петерсу

В тиши ночной, среди Лубянки,
Через туман, издали,
Кровавым светом блещут склянки,
Алеют буквы: В.Ч.К.

В них сила сдвоенного гнева,
В них мощь озлобленной души,
В них жуть сурового напева:
«В борьбе все средства хороши!»

Чарует взор немая сила,
Что льют три алых огонька,
Что массы в битву вдохновила,
Чем власть Советская крепка.

К чему сомненья и тревога,
К чему унынье и тоска,
Когда горит спокойно, строго
Кровавый вензель: В.Ч.К.

Г.А.

Октябрь 1918, Москва.

Впереди у М. Булгакова была Москва, которая, по мнению автора «Записок на манжетах», «не так страшна, как ее малютки...»

Именно в Москве связь понятий «Лубянка и Булгаков» из метафорической стало вполне телесной и осязаемой.

Сначала происходит революция. Затем она создает чрезвычайные органы для своей защиты.

Партия — наш рулевой. ЧК — вооруженный отряд партии. Это прием за аксиомы.

Выяснить все партийные документы, касающиеся М. Булгакова, пока не удалось. Главное — не удалось ознакомиться с материалами Архива президента РФ, где безусловно можно найти ответы на многие вопросы. Но и того, что рассекретили органы, хватает, чтобы установить многие факты, основательно меняющие наши представления о взаимоотношениях Лубянки и Булгакова. Следует числить их в такой последовательности, так как инициатором для установления «отношений» была именно Лубянка...

3. Москва. Годы 1921—1925.

«В деле розыска не следует пренебрегать никакими лицами и источниками от них сведениями...»

Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры. Составлена при Московском Охранном отделении

Думаю, что никакими теоретическими выкладками булгаковедов начало интереса Лубянки к гражданину Булгакову не вычислялось, или, вернее, вычислялось, но всегда неверно.

Не появление «Дьяволяды» (рассказа для сборника), не «Белая гвардия», недопечатанная в «России» — «из-за ее закрытия», как упорно повторяют все без исключения, — журнал этот выходил и в 1926 году (три номера!), и факт этот не является секретом для любой библиографии... И не бешеный успех «Дней Турбиных» послужил поводом начать за Булгаковым «приглядывать».

Одна из непонятных и не найденных до сих пор работ писателя, которой среди прочих он был вынужден заниматься в самый трудный для него период. Период добывания «возможности жить» в Москве.

«Письмо в редакцию «Новой Русской Книги».

М.А. Булгаков работает над составлением полного библиографического словаря современных русских писателей с их литературными силуэтами. Полнота словаря зависит в значительной мере от того, насколько отзовутся сами писатели на эту работу и дадут о себе живые и ценные сведения. Автор просит всех русских писателей во всех городах России и за границей присылать автобиографический материал по адресу: Москва, Больш. Садовая 10, кв. 50. Михаилу Афанасьевичу Булгакову.

В 18-м веке предметом остроумия становились не только супружеские измены, но и измены государственные, выигранные битвы или проигранные сражения. «А иначе, — писал один из современников, — для чего бы им и происходить, всем этим серьезным событиям, если не для того, чтобы стать поводом для остроумной шутки, эпиграммы, осмеяния в салонах».

Приближаясь к своему концу и к началу революции, то есть к 1789 году, 18-й «остроумный» век становится еще и чувствительным, и не без влияния Руссо с его апологией «естественного человека». В салонах начинают плакать, это не только дозволяется, но и является хорошим тоном: «Стало привычкой по преимуществу среди молодых женщин волноваться, бледнеть и краснеть, и даже — особенно при виде Вольтера — падать в обморок».

Как всегда, следуя французским образцам, стали плакать и в России, и часто по поводам, которые никак не вызывали слез. Если еще можно понять французских дам, падающих в обморок при виде Вольтера, то трудно представить депутатов Комиссии по уложению законов, которые навзрыд плакали, слушая Наказ императрицы Екатерины, «отрывистые и сухие статьи которого никак не располагали к слезам».

Идиллия вошла в моду. И если в салонах решали, что все идет хорошо, то все и должно было идти хорошо. Речи, произносимые в салонах, никак не связывались с событиями, которые могли быть следствием этих речей.

Слово «гражданин» впервые было произнесено в салонах, где очень любили «потолковать о бедном брате», о гуманности, о средствах облегчить положение «бедного доброго народа». Многие темы салонных бесед были вынесены потом на трибуны Национального Собрания: «Весело, под остроумные шутки Вольтера, мы неслись, сами того не замечая, к пропасти, правда, по усыпанному цветами коврику, неслись к революции 1789 года, не понимая, что все это значит и отчего происходит?»

Не понимали — и не только они. «В конце 18-го столетия в Париже собралось десятка два людей, которые стали говорить о том, что все люди равны и свободны. От этого во всей Франции люди стали резать и топить друг друга... Но каким образом книга «Contrat Social» сделала то, что французы стали топить друг друга? Почему умственная деятельность людей... представляется... причиной или выражением всего исторического движения — это понять трудно» (Лев Толстой, «Война и мир»).